

КОРОНАВИРУС КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИОННОГО КРИЗИСА: ПРАВОВОЙ АСПЕКТ И МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

© 2021 г. К. Е. Сигалов^{1, 2, *}, П. Б. Салин^{3, **}, А. С. Чувальникова^{1, ***}

¹Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя

²Российский университет дружбы народов, г. Москва

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

*E-mail: Sigalovconst@mail.ru

**E-mail: salpavbor@mail.ru

***E-mail: assolas88@gmail.com

Поступила в редакцию 19.04.2021 г.

Аннотация. Введение. В настоящей статье представлено междисциплинарное исследование достаточно сложного комплекса правовых аспектов и международно-правовых последствий трансформации политической и других подсистем современного общества в условиях пандемии коронавируса. Особо отмечается, что речь идет не столько о влиянии самой пандемии как медицинского явления, сколько о факторе коронавируса, который подразделяется на информационный (освещение проблемы властями) и административный (непосредственно нормативно-правовой с сопутствующими правоприменительными практиками). Авторы подходят к исследованию проблемы комплексно, в широком контексте, анализируя и саму природу кризиса, спровоцированного фактором коронавируса, и его социально-политические последствия, которые, в свою очередь, уже находят отражение в правовой реальности. При этом, по мнению авторов, сами тенденции, проявившиеся во время пандемии, не спровоцированы ей, они наметились давно, а сейчас лишь вышли в открытую фазу.

Материалы и методы. В основу исследования был положен междисциплинарный подход, позволивший установить экономическую природу глубинных детерминант наблюдаемых в настоящее время изменений в праве, политической сфере и других подсистемах современного общества. В свою очередь, анализ структуралистской экономической парадигмы позволил определить происходящие в обществе процессы как трансформационный кризис. Широко применявшиеся в исследовании методы аналогии и сравнения позволили обнаружить общие черты нынешнего кризиса с трансформацией 1914–1945 гг. и его отличия от экономического кризиса 2008 г. Анализ особенностей национальных юрисдикций в вопросах правового регулирования отношений в условиях пандемии коронавируса сопровождался сравнительно-правовым, а также политологическим анализом.

Результаты исследования. Проведенное исследование позволило усмотреть в факторе коронавируса лишь внешнюю оболочку наблюдаемого кризиса, затрагивающего в первую очередь экономическую и политико-правовую подсистемы современного общества. С позиции установленных в исследовании глубинных причин и давно наметившихся тенденций общественного развития, происходившие в период пандемии изменения в сфере государственного управления получили оценку в качестве открытой фазы трансформационного кризиса, затрагивающего не только экономику, но и политико-правовую, а также информационную сферу современного общества. В политико-правовой сфере фактор коронавируса спровоцировал ускоренную трансформацию правовых рамок, в которых функционировало большинство национальных государств, начиная со второй половины XX в.

Обсуждение и выводы. Авторы выдвигают и анализируют несколько гипотез. Согласно первой, широко распространенные выводы о том, что спровоцированный пандемией кризис и закрытие государственных границ означает конец глобализации, слишком упрощен и поэтому неверен. Анализ этой гипотезы позволил прийти к выводу о том, что в реальности под воздействием фактора коронавируса процессы глобализации лишь ускорились, но «физическая» глобализация начала заменяться цифровой. Это, в свою очередь, делает актуальным вопрос об изменении инструментария международно-правового регулирования, который ныне преимущественно «заточен» под офлайн-процессы.

В соответствии со второй гипотезой пандемия спровоцировала (но не стала причиной, а лишь поводом) серьезное смещение правовых рамок, в которых существовало общество большинства национальных государств во второй половине XX – начале XXI в. Установленное в исследовании заметное изменение соотношения между правами и обязанностями членов общества (в особенности представителей исчезающего, по мнению авторов статьи, среднего класса как основного носителя правовой культуры),

а также изменение соотношения между правами и коррелирующими им возможностями подтвердило выдвинутое предположение. При этом следует отметить, что такая трансформация прав и обязанностей во многом затронула как раз международные аспекты правового статуса человека и гражданина. В частности, право и коррелирующую ему возможность свободного перемещения через границы при отсутствии объективных исключительных ограничений (нахождение в международном розыске и т.п.). Исходя из третьей гипотезы, пандемия придала новый импульс цифровизации (в первую очередь форсированному внедрению способов цифрового контроля над обществом). Проверка этого предположения привела к выводу о том, что в действительности успешно эту практику пока удалось реализовать лишь в КНР, в остальных государствах (даже восточных) пока наблюдается больше издержек, чем результатов. Согласно еще одной гипотезе, международное нормативно-правовое регулирование, направленное на борьбу с пандемией, в целом не отличается эффективностью. Это обусловлено не столько его несовершенством, сколько двумя причинами. Во-первых, национальные государства, в т.ч. и относящиеся к континентально-европейской традиции (например, Россия), на уровне законодательства по борьбе с пандемией попросту игнорировали задаваемую международными документами систему координат. Во-вторых, эти государства копировали опыт стран Азиатско-Тихоокеанского региона (прежде всего Китая, и в первую очередь в области цифровизации), поскольку именно эти страны по факту продемонстрировали наибольшую эффективность в борьбе с эпидемией.

Ключевые слова: пандемия, фактор коронавируса, правовые рамки, тенденции развития, глобализация, цифровизация, трансформационный кризис, международно-правовые последствия.

Цитирование: Сигалов К.Е., Салин П.Б., Чувальникова А.С. Коронавирус как фактор трансформационного кризиса: правовой аспект и международно-правовые последствия // Государство и право. 2021. № 6. С. 87–98.

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненным за счёт бюджетных средств по Государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

DOI: 10.31857/S102694520015060-7

CORONAVIRUS AS A FACTOR OF THE TRANSFORMATIONAL CRISIS: LEGAL ASPECT AND INTERNATIONAL LEGAL CONSEQUENCES

© 2021 г. К. Е. Sigalov^{1, 2, *}, P. B. Salin^{3, **}, A. S. Chuvalnikova^{1, ***}

¹Kikot' Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation

²Russian Peoples' Friendship University, Moscow

³Financial University the Government of the Russian Federation, Moscow

*E-mail: Sigalovconst@mail.ru

**E-mail: salpavbor@mail.ru

***E-mail: assolas88@gmail.com

Received 19.04.2021

Abstract. Introduction. This article presents an interdisciplinary study of a rather complex set of legal aspects and international legal consequences of the transformation of the political and other subsystems of modern society in the context of the coronavirus pandemic. It is especially noted that this is not so much about the impact of the pandemic itself as a medical phenomenon, but rather a factor of coronavirus, which is divided into informational (coverage of the problem by the authorities) and administrative (directly regulatory and legal with accompanying law enforcement practices). The authors approach the study of the problem in a comprehensive manner, in a broad context, analyzing the very nature of the crisis provoked by the coronavirus factor, and its socio-political consequences, which, in turn, are reflected in legal reality. At the same time, according to the authors, the tendencies themselves that manifested themselves during the pandemic were not provoked by it, they were outlined a long time ago, and now they have only entered an open phase.

Materials and methods. The study was based on an interdisciplinary approach that allowed us to establish the economic nature of the underlying determinants of the currently observed changes in the law, the political sphere and other subsystems of modern society. Using the structuralist economic paradigm to define the ongoing processes as a transformational crisis. The study also makes extensive use of analogy and comparison methods to see the common

features of the current transformation crisis of 1914–1945 and its differences from the 2008 economic crisis. The analysis of national jurisdictions in matters of legal regulation of relations in the context of the coronavirus pandemic was accompanied by comparative legal and political analysis.

Research results. The study made it possible to see in the coronavirus factor only the outer shell of the observed crisis, which affects, first of all, the economic, political and legal subsystems of modern society. From the standpoint of the underlying causes and long-standing trends of social development identified in the study, changes in public administration that took place during the pandemic were assessed as an open phase of a transformational crisis affecting not only the economy, but also the political, legal, and informational sphere of modern society. In the political and legal sphere, the coronavirus factor provoked an accelerated transformation of the legal framework in which most nation states functioned since the second half of the 20th century.

Discussion and conclusions. The authors put forward and analyze several hypotheses. According to the first, the currently widespread conclusions that the crisis provoked by the pandemic and the closure of state borders means the end of globalization is oversimplified and therefore incorrect. The analysis of this hypothesis led to the conclusion that in reality, under the influence of the coronavirus factor, the processes of globalization only accelerated, but «physical» globalization began to be replaced by digital. This, in turn, makes it relevant to change the tools of international legal regulation, which is currently mostly “sharpened” for offline processes.

In accordance with the second hypothesis, the pandemic provoked (but did not become a cause, but only an excuse) a serious shift in the legal framework in which the society of most nation states existed in the second half of the 20th – early 21st centuries. The noticeable change in the relationship between the rights and obligations of members of society (in particular, representatives of the disappearing, according to the authors of the article, middle class as the main carrier of legal culture), as well as the change in the relationship between rights and their correlating capabilities, established in the study, confirmed this assumption.

Based on the third hypothesis, the pandemic has given a new impetus to digitalization (first of all, the accelerated introduction of methods of digital control over society). Verification of this assumption led to the conclusion that in reality only the Chinese authorities have successfully implemented this practice, while in other countries (even the eastern ones) there are still more costs than results.

According to another hypothesis, international legal regulation aimed at combating the pandemic is generally not very effective. This is due not so much to its imperfection, but to the following two reasons. First, national states, including those belonging to the continental European tradition (for example, Russia), at the level of legislation to combat the pandemic, simply ignored the coordinate system set by international documents. Secondly, these states copied the experience of the countries of the Asia-Pacific region (first of all China, and primarily in the field of digitalization), since these countries actually demonstrated the greatest effectiveness in combating the epidemic.

Key words: pandemic, coronavirus factor, legal framework, development trends, globalization, digitalization, transformational crisis, international legal consequences.

For citation: Sigalov, K.E., Salin, P.B., Chuvalnikova, A.S. (2021). Coronavirus as a factor of the transformational crisis: legal aspect and international legal consequences // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 6, pp. 87–98.

The article is based on the results of research, carried out at the expense of budget funds on the State task of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Введение. В последнее время широко распространенным стал тезис «после коронавируса будет совсем не так, как прежде». Он звучит в различных вариациях и обстоятельствах, на различных площадках постоянно и непрерывно¹. Такая во многом эмоциональная точка зрения казалась близкой к истине в первые месяцы пандемии весной текущего года, когда контраст между происходящим и эпохой «до эпидемии» бросался в глаза, а контуры

«мира после» в сознании формировались не столько благодаря действиям властей, сколько ожиданиям от начинавшихся процессов. Авторы подобных утверждений оказались подвержены психологическому явлению, известному как когнитивное искажение. Одно из наиболее распространенных искажений подобного рода заключается в том, что текущая ситуация без логических оснований проецируется в будущее на неопределенный срок. Этот часто встречающийся штамп в человеческой психологии в последние десятилетия стал одним из наиболее распространенных когнитивных искажений в политологии и воплотился в концепции «конца истории», получившей широкий резонанс².

¹ См.: Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др. Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2020. № 2; Волков Ю.Г., Курбатов В.И. Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 17–31; Шавырин Н.В. Коронавирус и мировая экономика — на пороге глобальной катастрофы // Вестник научных конференций. 2020. № 2–2. С. 120–123; Harari Y.N. The world after coronavirus // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (accessed: 28.07.2020).

² См.: Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А. и др. Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или её конец? («круглый стол») // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2016. № 3.

Сейчас можно уже немного дистанцироваться от происшедшего в первую волну и подвести итоги, опираясь на уже имеющиеся факты и наблюдения, а не на эмоции от кардинальной смены привычного образа жизни и сформировавшегося под воздействием пережитого шока ожидания. При этом особый акцент в настоящем исследовании сделан на влияние фактора коронавируса на процессы цифровизации на примере разных национальных юрисдикций, а также на смещение казавшихся ранее незыблемыми рамок правового регулирования, в т. ч. и в международном аспекте.

В данной статье для понимания логики изменений, затронувших правовую сферу в условиях пандемии коронавируса, сначала проанализированы фундаментальные причины, которые выступили детерминантами трансформации правового регулирования, а во второй части рассмотрены непосредственно сами изменения правовой сферы. Это необходимо для того, чтобы понять логические закономерности трансформации нормативно-правовой базы и правовой практики в этих сложных условиях.

Коронавирус или фактор коронавируса? Прежде всего следует остановиться на двух методологических оговорках, которые позволят четко структурировать и классифицировать происходящие изменения, а также сопоставить их и попытаться выявить взаимосвязь. Во-первых, в качестве движущей силы происходящих изменений выступает не сам коронавирус (или пандемия коронавируса) как медицинское явление глобального масштаба, а **фактор коронавируса** (реакция официальных властей и других субъектов на медицинское явление), который, в свою очередь, можно подразделить на две взаимосвязанные составляющие — информационную и административно-управленческую. Первая составляющая фактора коронавируса заключается в информационно-медийном освещении пандемии, ее позиционировании, а вторая — в действиях официальных властей (национального и регионального масштаба) и иных субъектов (как правило, наднационального и национального масштабов). При этом в содержание административно-управленческой составляющей фактора коронавируса в первую очередь вошли действия, выраженные в нормативно-правовом регулировании, сопровождаемом (что не менее важно) сопутствующими правоприменительными практиками.

Первая (информационная) составляющая фактора коронавируса неразрывно связана со второй (административно-управленческой), поскольку призвана легитимировать (обосновать перед гражданами, представляющими целевые группы) необходимость смещения правовых рамок вообще (кардинального изменения их прав и обязанностей) и нормативно-правового регулирования

в конкретных сферах, в частности. Иными словами, упор в информационном освещении на опасность и летальность коронавируса служит, как правило, обоснованием уменьшения объема прав граждан и увеличения обязанностей, а в тех странах, которые не спешат менять фундаментальные правовые рамки (США, Швеция), опасность коронавируса при информационном освещении эпидемии микшируется.

Данное методологическое уточнение важно, поскольку если как медицинское явление пандемия действительно носит универсальный характер в силу универсальной физиологической природы человека (предположения о генной и прочей «специфике», которая обуславливает разное течение эпидемии в различных странах и регионах, пока носят характер ничем не доказанных гипотез), то информационные и административные (нормативно-правовые) шаги официальных властей и других субъектов действительно являются специфическими, что и приводит к национальным и прочим различиям в проявлениях пандемии в разных государствах. Например, информационное освещение в средствах массовой информации вместе с национальными «особенностями» статистики (учет случаев заболеваний, публикация о них и т. п.) обуславливает разное восприятие хода пандемии как внешними по отношению к конкретному региону наблюдателями, так и «внутренними» (например, гражданами того или иного государства).

Вторая оговорка, которая больше касается структурирования непосредственно данной статьи, заключается в том, что сначала через призму политико-правового анализа в ней будут рассмотрены основные тенденции, проявившиеся в ходе пандемии, а потом будет предпринята попытка дать ответ на вопрос, какое влияние все эти тенденции оказали на процессы цифровизации.

«Обычный» структурный или трансформационный кризис? Для понимания обоснованности вывода о смещении пределов правовых рамок (форсирование процессов цифровизации является лишь следствием этой более фундаментальной тенденции) необходимо понять масштабность происходящей трансформации политико-правовой и других подсистем общественных отношений. Прежде всего следует отметить общее и особенное в происходящей сейчас трансформации по сравнению с предыдущими кризисами, имевшими экономическую природу, или, как нынешний «коронавирусный кризис», медицинскую оболочку, но доминирующую экономическую составляющую. С одной стороны, кажется, что нынешний кризис мало чем отличается от предыдущих — например, глобального экономического кризиса 2008 г. Тогда падение макроэкономических индексов в конце 2000-х годов

и их стагнация в первой половине 2010-х годов сменялась ростом последних нескольких лет (а в США и вообще рекордным по продолжительности ростом в течение более 10 лет — с 2009 г.). Наметившиеся после ослабления карантинных ограничений изменения и естественное желание большинства наблюдателей рассматривать эти изменения через оптимистичную призму позволяют делать предварительные выводы о том, что после короткого периода падения и, возможно, недолгого периода стагнации вновь последует экономический рост и, следовательно, возвращение к прежним практикам (не только экономическим, но и социально-правовым). Такая точка зрения может получить подтверждение, но ее сторонники попадают в логическую ловушку. Они проводят знак равенства между возвратом к экономическому росту и возвратом к докризисной реальности, хотя скорее всего ситуация будет выглядеть несколько иначе. Экономический рост рано или поздно возобновится, но он будет иметь совсем иные причины (по сравнению с предыдущими этапами), иную структуру, последствия и бенефициаров в широком смысле слова — от социальных слоев до конкретных субъектов внутри национальных государств и на международной арене. Иными словами, этот рост будет происходить в существенно иной институциональной среде, т.е. в другой реальности. С предыдущими этапами его будет объединять лишь увеличение универсальных экономических показателей (например, того же ВВП или потребления на душу населения, хотя и они наверняка изменятся структурно и содержательно, в частности, большую долю в них может занять рост медицинского / цифрового сектора или потребления медицинских / цифровых услуг на душу населения).

Такой сдвиг обусловлен двумя основными причинами. Первая — в отличие от того же кризиса 2008 г., на момент наступления эпидемии коронавируса мир находился в «разобранном» состоянии, т.е. в нем преобладали разнонаправленные тенденции, отсутствовало целеполагание и наблюдалась эрозия лидерства. Сторонники теории сохранения статус-кво воспринимают такую ситуацию как хаос. Соответственно, фактор коронавируса спровоцировал «эффект бабочки», когда одни и те же события и реакция на них привели к принципиально разным последствиям. Например, если бы абсолютно аналогичная ситуация сложилась 30 или даже 20 лет назад, когда глобальный Запад находился на пике своего могущества, а его элиты — под воздействием концепции «конца истории», то она привела бы не к тому, что государства разойдутся по национальным нишам, а скорее к тому, что мир объединился бы под эгидой США в противостоянии этой угрозе, и она сыграла бы для удержания Западом доминирующего положения куда более позитивную роль, чем, например,

масштабные военные «антитеррористические» кампании на Ближнем Востоке образца 2000-х годов. Как итог, существовавшие правовые рамки после незначительных флуктуаций восстановились без существенных изменений.

Второе отличие от предыдущих кризисов начала XXI и второй половины XX в. заключается в том, что абсолютно для всех субъектов мировой политики (как национальных государств, так и других субъектов, например, транснациональных корпораций и социальных слоев — бенефициаров глобализации) нынешний кризис пришел извне (в силу своих медицинских причин). В этом его отличие, например, от финансового кризиса 2008 г., который для слаборазвитых стран носил внешний характер — они не могли повлиять на его предпосылки и течение, а для развитых государств (прежде всего США как основного мирового финансового центра) — внутренний. Соответственно, США (не столько как национальное государство, сколько как основная площадка для глобальных транснациональных субъектов) смогли выступить в качестве пусть и частичного, но все-таки бенефициара кризиса 2008 г. Подтверждением тому может стать хотя бы уже указанный выше беспрецедентный рост американской экономики на протяжении более чем 10 лет непрерывно.

Соответственно, в отличие от кризиса 2008 г. и аналогичных событий второй половины XX в., мы имеем дело не с циклическим (когда система испытывает флуктуации, но после них возвращается в целом на прежние рельсы, т.н. V- и U-образные кризисы), а трансформационным кризисом³. Предыдущий трансформационный кризис имел место в первой половине XX в., в широком временном диапазоне — примерно с 1914 до 1945 г., а его экономической квинтэссенцией стала Великая депрессия, которая способствовала трансформации экономических, а вслед за ними — и общественных отношений, формированию новых социальных слоев — бенефициаров трансформации, а также аналогичных бенефициаров — международных субъектов (на тот момент в качестве таковых выступали практически исключительно национальные государства). Тогда триггером изменений (но отнюдь не причинами, которые носили более фундаментальный характер) послужили две мировые войны, а сейчас — фактор коронавируса. В данном случае речь идет об уже предпринятых вовлеченными в кризис сторонами действиях и самое главное — о тех действиях, которые они будут

³ См.: Бродский Б.Е. Трансформационные кризисы // Экономический журнал ВШЭ. 1998. № 3. С. 322–341; Бродский Б.Е., Березняцкий А.Н. Анализ структурных сдвигов в моделях российской инфляции // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56. № 2. С. 90–100.

предпринимать с учетом фактора коронавируса, в т.ч. и в первую очередь на мировой арене.

Кризис как переход в видимую фазу давно вызревших тенденций смещения традиционных правовых рамок. Происходящий сейчас трансформационный кризис не отличается от своих предыдущих аналогов. Самое существенное содержание трансформационного кризиса, помимо того, что он приводит к формированию новой системы (внешнее и видимое для наблюдателей выражение приобретает в изменении правовых рамок, в т.ч. и в форсированном развитии юридических норм о цифровизации всех сфер жизни), — то, что он не формирует новые, а переводит в сферу массовых устоявшихся практик уже назревшие сформировавшиеся в «докризисную» эпоху тенденции. Можно выделить несколько таких системообразующих тенденций, которые вызревали и формировались в предыдущие годы и даже десятилетия, но благодаря «фактору коронавируса» вышли из латентной ниши и приобрели или приобретают форму массовых практик и «новой нормальности», формирующих новую правовую реальность.

Прежде всего следует отметить переход в новое качество основной тенденции предыдущих десятилетий. Значительная часть наблюдателей, ориентируясь на первые проявления фактора коронавируса в марте-апреле, поспешила заявить о том, что составляющий содержание этой тенденции процесс завершен или даже повернут вспять, хотя скорее речь идет о его переходе в новое качество (или новые формы, которые пока не слишком заметны привыкшему к прежнему оформлению глазу). Речь идет о пресловутой глобализации, о конце которой поспешили объявить весной 2020 г. Если судить по формальным признакам, то сторонники такой точки зрения правы — реакция на эпидемиологические вызовы носила подчеркнуто национальный характер (доходило до ярко выраженных проявлений национального эгоизма — «пиратства» при покупке партий масок, причем в качестве «флибустьера» выступал некогда основной адепт глобализации — США). Другой внешний признак глобализации — свобода перемещения по миру — также был фактически сведен на нет закрытием государственных границ.

Однако если детально проанализировать имеющийся опыт первых месяцев функционирования государственных систем и обществ в «новой нормальности», то вышеуказанные выводы выглядят поспешными и поверхностными.

Если же проанализировать события последних месяцев, то складывается впечатление, что мир стал не менее, а даже более глобальным, но эта глобальность носит несколько иные по сравнению с докризисными формы (хотя первые признаки

таких форм начали проявляться задолго до кризиса, что соответствует вышеизложенной концепции нынешнего кризиса как трансформационного, легитимирующего уже назревшие тенденции), а социальные слои (бенефициары глобализации) не то чтобы поменялись, но существенно уменьшились в численности, тем самым изменив свою природу.

Дело в том, что впервые после Второй мировой войны мир оказался во власти единой информационной повестки — эпидемиологического вызова глобального масштаба, который затронул все без исключения страны. Таким образом, впервые за многие десятилетия в мировой повестке образовался общий «знаменатель» — эпидемиологический вызов, а «числитель» каждое государство предлагает свой. Вернее, большинство из них склоняется к одному из двух вариантов «числителей» (при явно выигрышной позиции одного из них), что вполне подходит под классические «лекала» глобализации.

Кроме того, мир оказался разделен физически, но при этом гораздо более интегрирован с информационной точки зрения — и в этом заключается роль фактора коронавируса как стимула цифровизации. Резкий рост международного общения с помощью цифровых каналов коммуникации (при этом платформ для этого всего несколько и они носят глобальный характер) стал общим моментом, и вряд ли здесь возможен откат назад⁴.

Скорее можно говорить о том, что фактор коронавируса (курс национальных государств на уход процессов на рынке труда в «цифру» для того, чтобы избежать краха экономики) способствовал формированию критической массы населения, вовлеченной в цифровые, а значит, реально или потенциально глобальные практики. Значительную роль в этом сыграло и форсированное внедрение профильных юридических норм.

Таким образом, в видимую фазу перешел еще один процесс — превращение транснациональных цифровых гигантов в геополитических игроков, влияющих на развитие нормативно-правовой базы (как международной, так и национальной). В силу возросшей роли этих цифровых гигантов в экономике и общественных процессах, а также в государственном администрировании⁵ (к примеру, в контроле над населением в карантинных районах), встал вопрос о соотношении их «естественной сферы влияния» со сферой влияния

⁴ См.: Самойленко А.А. Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 336–341.

⁵ Этот процесс также начался как минимум 10 лет назад (если не больше), но фактор коронавируса позволил перейти ему в новое качество.

национального государства, что стало одним из аспектов смещения классических правовых рамок. Следует отметить, что пересечение сфер влияния этих двух субъектов (транснациональных цифровых гигантов и национальных государств) стало заметно давно, но исследователи и аналитики, описывавшие эти процессы, использовали эвфемизм, который скрывал эту интерференцию (наложение). Речь идет о термине «экосистема» применительно к корпорациям-адептам цифровизации, формирование и расширение которой на все большее количество потребителей в качестве цели провозглашает все большее число транснациональных экономических субъектов. Де-факто с точки зрения содержательного наполнения подобная «экосистема» является синонимом юридического термина «суверенитет», но в новой, цифровой реальности. И большой и открытый вопрос (который возник не сегодня, но благодаря фактору коронавируса вышел в публичное пространство) — каким образом национальное государство и корпорации (строители экосистем) будут «делить» граждан / потребителей?

Возникновение географических барьеров сделало явной (но отнюдь не сформировало еще одну, наметившуюся гораздо раньше) тенденцию, которая в литературе до этого получала различные определения, в частности «постдемократии». Ее основным выражением является переход от концепции «золотого миллиарда» (среднего класса), характерной для периода «классической» глобализации, к концепции «платиновых» ста миллионов. Этот процесс был описан исследователями задолго до наступления пандемии коронавируса, его основное содержание с социально-экономической точки зрения — размывание и постепенное исчезновение среднего класса — основного бенефициара уходящей системы, сформировавшейся к середине — второй трети XX в., в результате предыдущего трансформационного кризиса. Именно средний класс во второй половине XX в. являлся (и пока еще является) носителем и адептом традиционных правовых рамок, которые характеризуются устоявшимся соотношением прав и обязанностей, а также ролью государства как сервисного института (исходя из этого теоретического правового постулата, и выстраивается вся нормативно-правовая база большинства современных национальных государств) и недопущением (по крайней мере на доктринальном правовом уровне) разделения общества по сословному признаку.

В контексте закрытия государственных границ как одной из универсальных мер по противодействию распространению пандемии стал очевиден тот факт, что они оказались закрыты для среднего класса, но не для более высоких социальных слоев. Более низкие социальные слои не являлись

адептами активного перемещения по миру даже в качестве отпускников-путешественников. В частности, в российских средствах массовой информации все чаще появляются упоминания о том, что, несмотря на закрытые государственные границы, частные джеты активно совершают международные перелеты⁶. Становится также известно о «полуподпольных» чартерных рейсах, замаскированных под грузовые. Они в отличие от рейсов на частных джетах доступны для покупателей билетов из числа обычных граждан, правда, цена этих билетов высока даже для представителей российского среднего класса. При этом речь идет не о контрабандном противозаконном пересечении государственной границы, а о юридически оформленных исключениях для тех, «кому это наиболее необходимо». Вышеописанные признаки и формы «латентного» пересечения границы при наличии официально декларируемых ограничений, вероятно, имеют место в различных вариациях и в других странах, а не только в России. Кроме того, после первой волны наиболее жестких ограничений, в первую очередь, они стали сниматься в отношении лиц, имеющих двойное и множественное гражданство, а такой правовой статус доступен скорее не «золотому миллиарду», а «платиновым» ста миллионам, т.к. сопряжен со значительными стартовыми (второе и последующее гражданство обычно приобретается в результате объемных инвестиций) и последующими «инфраструктурными» расходами (затраты на необходимое периодическое пребывание в течение года на территории государства второго гражданства).

Таким образом, следует отметить, что анализируемая трансформация прав и обязанностей во многом затронула как раз международные аспекты правового статуса человека и гражданина. В частности, право и коррелирующую ему возможность свободного перемещения через государственные границы при отсутствии объективных исключительных ограничений (нахождение в международном розыске и т.п.).

Вышеописанная ситуация — лишь один далеко не основной, но наиболее красноречивый в условиях эпидемиологических ограничений на трансграничное перемещение пример вычленения из «золотого миллиарда» «платиновых» ста миллионов и дальнейшей маргинализации среднего класса, сближения его бывших представителей по поведенческим паттернам с остальными, менее «продвинутыми» слоями населения. При этом с фундаментальной точки зрения бывших представителей уходящего среднего класса будут характеризовать

⁶ См.: Луткова О. Как выбираются за границу во время эпидемии. URL: https://www.znak.com/2020-06-29/kak_obytyi_zapret_na_turpoezdki_iz_rossii_i_otdohnut_na_pustynnyh_plyazhah_turcii (дата обращения: 28.07.2020).

(и уже характеризуют) две социально-экономические и психологические особенности, которые также оказались особенно ярко «подсвечены» кризисными факторами весны 2020 г.: 1) у них нет позитивного образа будущего в отличие от среднего класса второй половины XX в.; 2) их считавшиеся ранее неотъемлемыми права (и коррелирующие им возможности) все больше подвергаются эрозии, включая право на получение квалифицированной медицинской помощи, а также право на свободу перемещения по миру. Соответственно, речь идет о фундаментальном смещении (или коренном изменении) традиционных правовых рамок, характерных для любого национального государства второй половины XX — начала XXI в., которое с точки зрения правовой доктрины относит себя к демократическим.

Перечисленные выше тенденции, вышедшие на поверхность, но отнюдь не сформировавшиеся в кризис, являются одними из системообразующих, но далеко не единственными, которые будут определять «мир после коронавируса». К ним, например, еще можно отнести получившую новый импульс глокализацию (ее проявление в медицине — национализация средств производства защиты при глобализации охоты за талантами и идеями в этой сфере), обкатку и легитимацию под благовидным предлогом защиты населения от эпидемии новых форм цифрового контроля над обществом и т.д. Все эти тенденции проявили себя гораздо раньше 2020 г., но фактор коронавируса позволил им перейти из «тестовой» фазы в разряд массовых практик.

Практика «вирусной» цифровизации: первые промежуточные итоги и правовой аспект. Новизна и размытость угрозы в лице пандемии, с которой столкнулись национальные правительства, вынудила их к форсированным действиям, которые во многом были направлены на изменение нормативно-правового регулирования устоявшихся социальных практик, а также форсированную цифровизацию многих процессов.

Следует отметить, что реакция международных структур в виде нормативно-правового регулирования последовала достаточно оперативно. Соответствующие документы были приняты уже в марте-апреле, сразу после официального объявления пандемии. Однако принято считать, что начавшееся как эпидемия распространение коронавирусной инфекции привело к ренессансу национальных государств. Если рассматривать ситуацию с точки зрения правовых аспектов, то это широко распространенное мнение полностью подтверждается. В частности, принятые документы содержат достаточно серьезный методологический и координационный аппарат, однако большинством игроков он не используется или используется весьма условно.

В национальных документах, посвященных борьбе с распространением коронавирусной инфекции, эти нормы не только не учитываются, но в них нет даже отсылок к ним.

Например, 14 апреля 2020 г. была одобрена Обновленная стратегия борьбы с COVID-19⁷, разработанная Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ). Помимо аналитики она содержит предложения по глобальной стратегии реагирования на эти вызовы, которые практически не были учтены национальными государствами. То же самое касается и Руководства ВОЗ, ЮНИСЕФ и Международного Красного Креста от 17 марта 2020 г. «По разработке плана действий по информированию о рисках и вовлеченности населения COVID-19: готовность и ответные действия»⁸.

При этом широкое пространство для маневра национальным правительствам оставляют формулировки вышеуказанных документов. Например, основными принципами реагирования на эпидемию, согласно Обновленной стратегии борьбы с COVID-19, должны быть скорость, масштаб и равенство, что оставляет широкое пространство для трактовок. Что касается тех документов, которые хотя и носят рекомендательный характер, невозможно игнорировать, то власти национальных государств не допустили юридической привязки правового режима, введенного в стране, с правовым режимом, который пытаются регламентировать данные документы.

В качестве примера можно привести доклад Совета Европы от 7 апреля 2020 г. «Уважение к демократии и правам человека, верховенство закона в условиях эпидемиологического кризиса COVID-19»⁹. В частности, в нем даются рекомендации по соблюдению верховенства права и демократических принципов в условиях введения чрезвычайной ситуации. Однако если в большинстве европейских государств в качестве меры юридического обеспечения действительно вводился и вводится режим ЧС, то в России власти предпочли не оформлять юридически его введение. При этом предусмотренные весной в ряде субъектов Российской Федерации ограничительные нормы (прежде всего речь идет о г. Москве) — ограничение свободы передвижения, принудительное закрытие ряда предприятий и т.п. — по своему смыслу полностью соответствуют режиму ЧС.

⁷ См.: URL: https://www.who.int/docs/default-source/coronavirus/covid19-strategy-update-2020-ru.pdf?sfvrsn=29da3ba0_19 (дата обращения: 28.07.2020).

⁸ См.: URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73728308/> (дата обращения: 28.07.2020).

⁹ См.: URL: <https://rm.coe.int/sg-inf-2020-11-toolkit-for-member-states-during-the-covid-19-sanitary-/16809e3992> (дата обращения: 28.07.2020).

Следует отметить, что причина сложившейся ситуации во многом заключается в том, что по результатам наиболее эффективные меры были приняты в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), в котором существует своя специфическая правовая культура, отличная от континентально-европейской.

Как справедливо указывают в своей статье С.Ю. Кашкин, С.А. Тищенко, А.В. Алтухов¹⁰, пионером в данной области предсказуемо выступила КНР, первой (согласно официальным данным) столкнувшейся с эпидемией в национальном масштабе. Внедренные и опробованные им цифровые практики¹¹ во многом были заимствованы и другими субъектами, в т.ч. и властями Москвы.

В частности, власти КНР первыми внедрили цифровое приложение, активируемое с помощью QR-кода, которое отслеживало геолокацию и требовало, чтобы пользователь периодически подтверждал свое месторасположение с помощью кода. В классическом виде оно использовалось в Гонконге, а в материковом Китае — в более продвинутом. В частности, оно следило за перемещениями всех пользователей и предупреждало о потенциальных контактах с зараженными. Кроме того, местонахождение абонентов фиксировали сотовые операторы, а социальные сети призвали сообщать о потенциально инфицированных¹². Система, аналогичная гонконгской, была введена во многих государствах, например, в Польше. Власти этой страны, легитимизируя это юридическое нововведение, позиционировали его как альтернативу визитам полиции.

Однако европейский правовой контур не позволил внедрять столь жесткие практики цифрового контроля, как в Азии. В итоге во многих государствах Европы объектом становился не сам гражданин (неприкосновенность его частной жизни), а действия, которые он совершал. Например, власти Чехии предпочли т.н. «умный карантин»: в регионе Южная Моравия мониторинговая система с согласия пользователя отслеживала данные о банковских транзакциях и перемещениях. Департамент здравоохранения на основе этой

информации определял вероятность их заражения и принимал решение о необходимости изоляции и тестирования на коронавирус. Данные мониторинга получала и армия. Утверждалось, что информация хранится только на протяжении шести часов, затем автоматически удаляется.

Однако в Европе не смогли обойтись без непосредственного контроля над гражданами, но предпочли это делать опосредованно, а не с помощью массированного внедрения социальных приложений. В частности, на улицах за людьми следили камеры наблюдения с функцией распознавания лиц, а также дроны. Они использовались в Испании и Италии. В последней полиция использовала их для поиска тех, кому был предписан режим изоляции на дому. Великобритания публиковала снятые с дрона подборки нарушителей, Испания и Франция ограничивались предупреждениями с квадрокоптера.

В США слежкой за пользователями занимаются преимущественно частные компании, используя данные, которыми пользователи смартфонов и так делятся с социальными сетями и сервисами. Одна из компаний, например, даже составила карту перемещений по стране людей, отдыхавших во Флориде¹³. Теперь данные частных компаний хотят использовать и власти, пока анонимно.

Однако практика «насиленной цифровизации» не прижилась в западных странах, где присутствует отличная от азиатской правовая культура. При этом речь идет не только о европейских государствах, но и о некоторых азиатских, которые в период модернизации заимствовали западные нормативно-правовые модели, трансформировавшие их традиционную правовую культуру.

В итоге эти технологии цифрового мониторинга с помощью приложений для смартфонов не оправдали ожиданий. Во Франции менее 3% населения загрузило “StopCovid”. В Великобритании дату запуска приложения пришлось перенести, в конечном счете решили использовать другую платформу. В США приложения для отслеживания контактов оказались втянуты в споры в соцсетях о том, является ли вирус выдумкой или нет. А в Австралии, несмотря на 6 млн загрузок, приложение “COVIDSafe” так и не отследило ни одного случая заболевания. В Сингапуре, где одними из первых запустили систему отслеживания контактов “TraceTogether”, власти были вынуждены в дополнение к приложению также раздать брелоки, которые позволяют узнать о перемещениях граждан. Единственным примером успешного использования подобного приложения стал Китай, но там

¹⁰ См.: Кашкин С.Ю., Тищенко С.А., Алтухов А.В. Правовое регулирование применения искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19: проблемы и перспективы с учетом мирового опыта // *Lex russica*. 2020. № 7. С. 105–114.

¹¹ См.: Kendall-Taylor A., Frantz E., Wright J. 2020. The Digital Dictators. How Technology Strengthens Autocracy // *Foreign Affairs*. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-02-06/digitaldictators?utm_medium=newsletters&utm_source=weekend_read&utm_ (accessed: 28.07.2020).

¹² См.: Wang X., Wu X. and Xu X. 6 lessons from China's Zhejiang Province and Hangzhou on how countries can prevent and rebound from an epidemic like COVID-19. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/03/coronavirus-covid-19-hangzhou-zhejiang-government-response/> (accessed: 28.07.2020).

¹³ См.: Официальный Твиттер компании // <https://twitter.com/TectonixGEO/status/1242628347034767361?s=20> (accessed: 28.07.2020).

власти сделали технологию обязательной и поступились правом на частную жизнь, что было бы невозможно в других странах.

В сложившейся ситуации одна из главных проблем заключается в том, чтобы убедить граждан использовать соответствующую технологию. Приложения будут эффективны, только если их установит значительное количество людей. Учитывая, что установка в большинстве случаев добровольна, это не так-то просто. Опубликованное в апреле 2020 г. исследование Оксфордского университета (построено на симуляции с 1 млн жителей) показало, что для снижения уровня заболеваемости приложения должны загрузить 80% пользователей смартфонов, или 56% всех жителей¹⁴. Это очень большая доля. Даже в Сингапуре с его лояльным населением, которое с готовностью следует рекомендациям властей, приложение скачали только 35% жителей.

Российская Федерация в целом предпочла официально копировать практики азиатских государств, однако реально в этом направлении что-то было сделано лишь в г. Москве. Остальные субъекты Российской Федерации, судя по косвенным признакам, подошли к решению этой задачи формально. Однако, судя по многочисленным жалобам, цифровые приложения давали сбои, хотя статистика охваченных различными видами цифрового контроля в г. Москве выглядит внушительной. Косвенным индикатором количества охваченных мониторингом граждан является число выписанных штрафов. По данным начальника Главного контрольного управления Москвы Ев. Данчикова, сотрудники полиции в г. Москве выписали около 94 тыс. штрафов за нарушение самоизоляции во время пандемии, всего в приложении «Социальный мониторинг» для отслеживания больных коронавирусом было зарегистрировано около 447 тыс. человек¹⁵.

Однако такие меры вызвали опасения защитников. По их мнению, применявшаяся различными властями практика позволила проводить официальную правовую сегрегацию граждан. Кроме того, в отличие от властей большинства других государств (причем как западных, так и восточных)¹⁶, с правовой точки зрения власти не ввели необходимый для этого режим чрезвычайной

ситуации и / или чрезвычайного положения, предпочитая наполнить уже содержавшийся в законодательстве режим повышенной готовности новым юридическим содержанием. Они использовали следующие технологии сбора и проверки сведений о частной жизни граждан:

централизованный сбор информации о гражданах, прибывающих в страну, регион или населенный пункт;

система цифровых или аналоговых пропусков, позволяющих ограничивать виды транспорта и цели передвижения, а также дифференцировать граждан по объему прав;

видеонаблюдение, в т.ч. с функцией распознавания лиц;

отслеживание местонахождения граждан по геолокационным данным, передаваемым мобильными устройствами и следящими приложениями;

расширение возможностей слежки путем делегирования полицейских функций частным субъектам и представителям иных ведомств.

В итоге в будущем при «чрезвычайных» обстоятельствах, которыми отныне может быть объявлено все, что угодно — от новой эпидемии или техногенной катастрофы до массовых акций протеста — накопленный во время карантина опыт и ресурсы позволят быстро развернуть плотное наблюдение и дифференцировать граждан по объему прав и свобод.

Заключение. Основной вывод, как и позиция Российской Федерации перед приобретшим в 2020 г. видимые очертания глобальным вызовом, также раздвоен и представляет собой вариацию на тему единства и борьбы противоположностей. С одной стороны, мир действительно проходит через кардинальную трансформацию и уже не будет таким, как прежде. С другой — эта трансформация возникла не здесь и сейчас (в 2020 г.), ее предпосылки и связанные с ней тенденции появились и дали о себе знать задолго до пандемии, которая лишь ускорила их переход из латентной в открытую фазу, легитимировав новые практики. Поэтому «мир после коронавируса» действительно будет другим, но не таким уж незнакомым для тех, кто заранее выявил наметившиеся процессы трансформации и их закономерности и загодя начал к ним готовиться. Неожиданностью для него может стать не сам новый мир, а скорость перехода к нему и сопряженные с этим издержки, в т.ч. и политико-правовые.

Одно из основных последствий такого перехода — смещение устоявшихся во второй половине XX в. правовых рамок, под которыми в первую очередь понимается соотношение прав

¹⁴ См.: Ferretti L., Wymant C., Kendall M., etc. 2020. Quantifying SARS-CoV-2 transmission suggests epidemic control with digital contact tracing // Science. 368(6491). DOI: 10.1126/science.abb6936. URL: <https://science.sciencemag.org/content/368/6491/eabb6936> (accessed: 28.07.2020).

¹⁵ См.: Штрафы в период изоляции. URL: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/2680235-echo/> (дата обращения: 28.07.2020).

¹⁶ См.: Oseghale O. 2020. COVID-19 Emergency Laws and Law Enforcement in Nigeria, America and Britain // Journal of Law, Policy and Globalization. Vol. 99. P. 117–126. DOI: 10.7176/JLPG/99-13.

и обязанностей, а также прав и коррелирующих им возможностей граждан, и особенно тех из них, кто составляет ядро современного западного общества — среднего класса. Закрытие физических границ между государствами ускорили процессы цифровой глобализации, а необходимость контроля над распространением болезни — «вирусной» цифровизации, которая вводит новые практики контроля над населением. Однако российский и зарубежный опыт демонстрируют, что страны с западной правовой системой (не важно — романо-германской или англосаксонской) и соответствующей правовой культурой пока плохо поддаются практикам принудительной цифровизации. Единственное государство, которое успешно использовало технологии цифрового контроля для борьбы с эпидемией (а также для контроля над распространением информации), — Китайская Народная Республика.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов А.В., Багдасарян В.Э., Бышок С.О. и др.* Пандемия COVID-19: конец привычного мира? // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2020. № 2.
2. *Бродский Б.Е.* Трансформационные кризисы // Экономический журнал ВШЭ. 1998. № 3. С. 322–341.
3. *Бродский Б.Е., Березняцкий А.Н.* Анализ структурных сдвигов в моделях российской инфляции // Экономика и математические методы. 2020. Т. 56. № 2. С. 90–100.
4. *Волков Ю.Г., Курбатов В.И.* Глобальная социология пандемии: отечественные и зарубежные сценарии и тренды послекоронавирусного мира // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. № 2. С. 17–31.
5. *Кашкин С.Ю., Тищенко С.А., Алтухов А.В.* Правовое регулирование применения искусственного интеллекта для борьбы с распространением COVID-19: проблемы и перспективы с учетом мирового опыта // Lex russica. 2020. № 7. С. 105–114.
6. *Луткова О.* Как выбираются за границу во время эпидемии. URL: https://www.znak.com/2020-06-29/kak_obyti_zapret_na_turpoezdki_iz_rossii_i_otdohnut_na_pustynnyh_plyaz_hah_turcii (дата обращения: 28.07.2020).
7. *Самойленко А.А.* Информационные технологии и их роль в минимизации негативных последствий от распространения коронавирусной инфекции COVID-19 // Постсоветские исследования. 2020. Т. 3. № 4. С. 336–341.
8. *Хоружий С.С., Фишман Л.Г., Комлева Н.А. и др.* Постчеловек и постчеловечество: будущее цивилизации или её конец? («круглый стол») // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2016. № 3.
9. *Шавырин Н.В.* Коронавирус и мировая экономика — на пороге глобальной катастрофы // Вестник научных конференций. 2020. № 2–2. С. 120–123.
10. Штрафы в период изоляции. URL: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/2680235-echo/> (дата обращения: 28.07.2020).
11. *Ferretti L., Wymant C., Kendall M., etc.* 2020. Quantifying SARS-CoV-2 transmission suggests epidemic control with digital contact tracing // Science. 368(6491). DOI: 10.1126/science.abb6936. URL: <https://science.sciencemag.org/content/368/6491/eabb6936> (accessed: 28.07.2020).
12. *Harari Y.N.* The world after coronavirus // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (accessed: 28.07.2020).
13. *Kendall-Taylor A., Frantz E., Wright J.* 2020. The Digital Dictators. How Technology Strengthens Autocracy // Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-02-06/digitaldictators?utm_medium=newsletters&utm_source=weekend_read&utm_ (accessed: 28.07.2020).
14. *Oseghale O.* 2020. COVID-19 Emergency Laws and Law Enforcement in Nigeria, America and Britain // Journal of Law, Policy and Globalization. Vol. 99. P. 117–126. DOI: 10.7176/JLPG/99-13.
15. *Wang X., Wu X. and Xu X.* 6 lessons from China's Zhejiang Province and Hangzhou on how countries can prevent and rebound from an epidemic like COVID-19. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/03/coronavirus-covid-19-hangzhou-zhejiang-government-response/> (accessed: 28.07.2020).

REFERENCES

1. *Abramov A.V., Bagdasaryan V.E., Byshok S.O., etc.* COVID-19 pandemic: the end of the familiar world? // Herald of the MGOU (electronic journal). 2020. No. 2 (in Russ.).
2. *Brodsky B.E.* Transformational crises // Economic Journal of the Higher School of Economics. 1998. No. 3. P. 322–341 (in Russ.).
3. *Brodsky B.E., Bereznyatsky A.N.* Analysis of structural shifts in models of Russian inflation // Economics and mathematical methods. 2020. Vol. 56. No. 2. P. 90–100 (in Russ.).
4. *Volkov Yu. G., Kurbatov V.I.* Global sociology of the pandemic: domestic and foreign scenarios and trends of the post-coronavirus world. 2020. Vol. 9. No. 2. P. 17–31 (in Russ.).
5. *Kashkin S. Yu., Tishchenko S.A., Altukhov A.V.* Legal regulation of the use of artificial intelligence to combat the spread of COVID-19: challenges and prospects taking into account the international experience // Lex russica. 2020. No. 7. P. 105–114 (in Russ.).

6. *Lutkova O.* You go abroad during the epidemic. URL: https://www.znak.com/2020-06-29/kak_oboyti_zapret_na_turpoezdki_iz_rossii_i_otdohnut_na_pustynnyh_plyaz_hah_turcii (accessed: 28.07.2020) (in Russ.).
7. *Samoylenko A.A.* Information technologies and their role in minimizing the negative consequences of the spread of coronavirus infection COVID-19 // Post-Soviet studies. 2020. Vol. 3. No. 4. P. 336–341 (in Russ.).
8. *Khoruzhiy S.S., Fishman L.G., Komleva N.A., etc.* Posthuman and posthuman: the future of civilization or its end? (“Round Table”) // Herald of the MSRU (electronic journal). 2016. No. 3 (in Russ.).
9. *Shavyrin N.V.* Coronavirus and the world economy – on the threshold of a global catastrophe // Herald of Scientific conferences. 2020. No. 2–2. P. 120–123 (in Russ.).
10. Fines during the isolation period. URL: <https://echo.msk.ru/programs/razvorot-morning/2680235-echo/> (accessed: 28.07.2020) (in Russ.).
11. *Ferretti L., Wymant C., Kendall M., etc.* 2020. Quantifying SARS-CoV-2 transmission suggests epidemic control with digital contact tracing // Science. 368(6491). DOI: 10.1126/science.abb6936. URL: <https://science.sciencemag.org/content/368/6491/eabb6936> (accessed: 28.07.2020).
12. *Harari Y.N.* The world after coronavirus // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> (accessed: 28.07.2020).
13. *Kendall-Taylor A., Frantz E., Wright J.* 2020. The Digital Dictators. How Technology Strengthens Autocracy // Foreign Affairs. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-02-06/digitaldictators?utm_medium=newsletters&utm_source=weekend_read&utm_ (accessed: 28.07.2020).
14. *Oseghale O.* 2020. COVID-19 Emergency Laws and Law Enforcement in Nigeria, America and Britain // Journal of Law, Policy and Globalization. Vol. 99. P. 117–126. DOI: 10.7176/JLPG/99-13.
15. *Wang X., Wu X. and Xu X.* 6 lessons from China’s Zhejiang Province and Hangzhou on how countries can prevent and rebound from an epidemic like COVID-19. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2020/03/coronavirus-covid-19-hangzhou-zhejiang-government-response/> (accessed: 28.07.2020).

Сведения об авторах

СИГАЛОВ Константин Елизарович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12; профессор кафедры истории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов; 117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6 ORCID: 0000-0002-6864-8570

САЛИН Павел Борисович — кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; 125993 г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49 ORCID: 0000-0003-4039-2443

ЧУВАЛЬНИКОВА Анна Сергеевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя; 117997 г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 12 ORCID: 0000-0002-5368-6697

Author’s information

SIGALOV Konstantin E. — Doctor of Law, associate Professor, Professor of the chair of theory of state and law, Kikot’ Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation; 12 Akademika Volgina str., 117997 Moscow, Russia; Professor of the Department of history of law and state of the law Institute of the Peoples’ Friendship University of Russia; 6 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

SALIN Pavel B. — PhD in Law, Director of the Center for political science studies, Financial University under the Government of the Russian Federation; 49 Leningradsky ave., 125993 Moscow, Russia

CHUVALNIKOVA Anna S. — PhD in Law, associate Professor of the chair of theory of state and law, Kikot’ Moscow University of the Ministry of Interior of the Russian Federation; 12 Akademika Volgina str., 117997 Moscow, Russia